

Ивая Садзанами

Нихон мукаси банаси

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С14

С14 **Садзанами И.**
Нихон мукаси банаси / Ивая Садзанами – М.: Книга по Требованию, 2024. – 274 с.

ISBN 978-5-519-86737-5

ISBN 978-5-519-86737-5

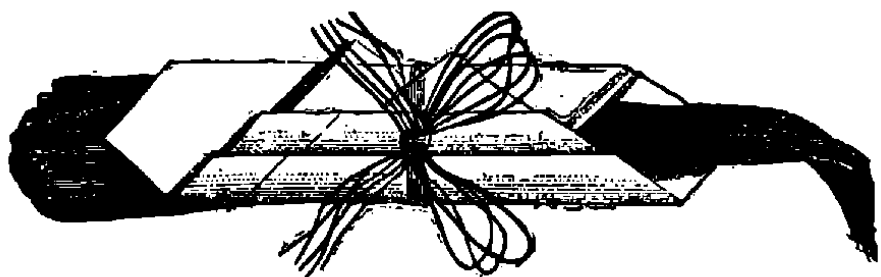
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе

«Нихон мукаси банаси», что въ дословномъ переводѣ значить японскія древнія сказанія, — такъ назвалъ своё произведеніе современный японскій писатель Ое Садзанами.

Ое Садзанами [малыя волны, т. е. зыбь большой рѣки] — одно изъ литературныхъ именъ этого писателя, настоящая фамилія котораго Сузо Ивая.

Другія его литературныя имена Сіоха, Ое Сіоха [значеніе то-же, что и Ое Садзанами], Садзанами Сандзинъ.

Ивая—токійскій уроженецъ; родился въ 1871 г. Началъ онъ свою литературную дѣятельность повѣстями, въ которыхъ сразу же сказался его незаурядный талантъ. Онъ примкнулъ къ школѣ новаго направленія, направленія реального и, занявшись изученіемъ японской древности, избралъ себѣ спеціальностью обработку сказаній о дѣлахъ былыхъ, сказанія далекой старины. Онъ собиралъ разсѣянные по разнымъ литературнымъ памятникамъ легенды и преданія и обрабатывалъ ихъ на современномъ, понятномъ для всѣхъ, языкѣ, предназначивъ ихъ, главнымъ образомъ, для дѣтей и юношества. Онъ единственный писатель-піонеръ въ этомъ родѣ и по справедливости можетъ быть названъ создателемъ этой литературы въ новомъ, современномъ намъ литературномъ періодѣ Японіи. Вышедшія изъ подъ пера Садзанами сказанія «Отоги банаси» [разсказы сидѣлки] и «Мукаси банаси» не имѣютъ конечно придуманы, не имѣютъ созданы на мифологическо-исторической подкладкѣ. Онъ бралъ готовый уже матеріалъ и только обрабатывалъ его; обрабатывалъ талантливо, художественно.

Большой мастеръ слова, умѣющій пользоваться всѣми ресурсами своего языка, онъ сумѣлъ придать легендѣ особый колоритъ художественности и, оставаясь безусловно вѣренъ историческій правдѣ, ни на югу не отступая отъ нея, онъ представилъ ее въ

художественныхъ, мѣтко очерченныхъ, образахъ и картинахъ въ видѣ художественно-литературнаго произведенія.

Въ Японіи всѣмъ извѣстно имя Садзанами; всѣмъ извѣстны и его «Мукаси банаси». На нихъ воспитывается юношество. Это литературный памятникъ, въ которомъ никогда неизгладимыми чертами запечатлѣнъ духъ націи, въ которомъ отразилась культура ея, какъ она шла съ древнѣйшихъ временъ, какъ она перешла въ наслѣдіе современному японскому народу. И эта культура, этотъ духъ, этотъ національный принципъ жизни не умеръ, не изжить; онъ еще въ силѣ и не пересталъ дѣйствовать. Со стариной не порвано. Она еще сказывается, она еще жива и лежитъ несомнѣнно въ основѣ всего міросозерцанія японскаго народа. Конечно, постепенный прогрессъ заслоняетъ ее болѣе и болѣе, жизнь идетъ новыми руслами, образуются наслоенія и напластованія, но все же, при всемъ этомъ, наслѣдіе прошлаго слишкомъ еще живо. Между старымъ и новымъ, между древнимъ и современнымъ существуетъ связь и связь, эта, можетъ быть, глубже, чѣмъ у любой иной націи, у любого иного народа. Съ момента приобщенія Японіи къ западно-европейской культурѣ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. За этотъ періодъ могъ, конечно, до извѣстной степени, быть преобразованъ внѣшній, техническій укладъ жизни, но не десятки лѣтъ нужны для того, чтобы измѣнился укладъ жизни духовный, тѣ этические принципы, которые вырабатывались въ теченіе долгихъ столѣтій. Историческая жизнь японской націи, какъ и всякой другой, текла своимъ естественнымъ порядкомъ; постепенно вырабатывался социальный строй, мѣнялись его формы; одни отживали, другія нарождались. Постепенно расширился и видоизмѣнился умственный горизонтъ, видоизмѣнялись этическія воззрѣнія, но все послѣдующее не возникало вдругъ внѣ связи съ общимъ теченіемъ жизни; оно покоилось на прошломъ, имѣло съ нимъ глубокую связь, вытекало изъ него.

Процессъ этотъ шелъ медленно, постепенно и приблизительно въ одномъ направленіи, ибо и самыя условія, при которыхъ онъ зародился, при которыхъ онъ совершался, не претерпѣвали рѣзкихъ измѣненій. Дѣйствіе факторовъ, играющихъ несомнѣнно важную роль въ культурномъ прогрессѣ, дѣйствіе, такъ называемыхъ, естественныхъ причинъ, не подвержено вообще рѣзкимъ колебаніямъ, и измѣненія въ этомъ отношеніи совершаются медленно и незамѣтно на громадномъ протяженіи времени. Это приложимо ко всему человѣчеству вообще, но для Японіи былъ еще одинъ факторъ, котораго не доставало, пожалуй у другихъ націй. Это ея сравнительная изолированность, сказавшаяся на протяженіи всей ея исторіи, отсутствіе общенія съ другими народами. И, хотя, можетъ быть, ни одна нація, ни одна страна не имѣетъ такъ

много заимствованнаго, какъ Японіи, — тѣмъ не менѣе эти заимствованія не послужили поводомъ къ живому обмѣну, къ постоянному общенію съ другими. Безъ преувеличенія можно сказать, что Японія заимствовала у другихъ все, что необходимо для жизни физической и духовной. Она заимствовала религію, письменность, искусства и ремесла, формы социальнаго строя, философію и этику, церемоніи, обряды, утварь и одежду. Но эти заимствованія она прятала въ глуши своихъ острововъ и островковъ и въ тиши уединенія перерабатывала ихъ на свой ладъ, подъ дѣйствіемъ неизмѣнныхъ естественныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ въ общемъ направленіе ея жизни. Она жила сама въ себѣ, замкнутая и невѣдомая, создавала жизнь сама въ себѣ, и, конечно, процессъ развитія ея жизни шелъ при такихъ условіяхъ слишкомъ постепенно, слишкомъ медленно, и прошлое играло въ этомъ процессѣ громадную роль. Новое вырабатывалось и усваивалось медленно, а старое продолжало жить и дѣйствовать, продолжало занимать если не первое, то во всякомъ случаѣ и не послѣднее мѣсто. И такъ до самаго послѣдняго времени; и такъ до настоящаго времени. Связь съ прошлымъ глубока и сильна и понынѣ. Она не видна, можетъ быть, постороннему взгляду съ перваго раза, но она существуетъ и сильно сказывается во всѣхъ проявленіяхъ жизни; многое, изъ проявленій современной жизни можетъ стать понятнымъ при извѣстномъ знакомствѣ съ прошлымъ этой націи, непонятное и странное легко можетъ объясниться именно съ этой точки зрѣнія. Но гдѣ искать этого прошлаго? Гдѣ тѣ памятники, понятные и доступные, по которымъ можно бы прослѣдить это прошлое, такъ далеко, такъ глубоко скрытое отъ постороннихъ глазъ. Ихъ много этихъ памятниковъ, и разнообразны они. И въ числѣ ихъ несомнѣнно громадную и важнѣйшую роль играютъ памятники литературные, эти никогда не умирающіе свидѣтели дѣйствительно былого. Однимъ изъ такихъ памятниковъ является сборникъ «Мукаси банаси».

«Мукаси банаси» не сказки, придуманныя только для развлечения дѣтей. Въ 24 обработанныхъ Садзанами сказаніяхъ этого сборника, отмѣчены главнѣйшіе моменты японской мифологіи, исторіи, этики, религіи, быта. Это то, чѣмъ жилъ народъ; это показатель того, какъ онъ жилъ, какъ мыслилъ, къ чему стремился, во что вѣровалъ, чѣмъ восхищался, что ненавидѣлъ. Конечно, здѣсь умѣстилось далеко не все, но все же здѣсь видна, такъ сказать, душа народа, здѣсь можно прослѣдить руководящіе принципы жизни, какъ они дѣйствовали въ свое время, оставшіе запечатлѣнными легендой во всей ихъ исторической правдѣ.

24 сказанія сборника «Нихон мукаси банаси» можно раздѣлить на нѣсколько группъ.

I. Сказанія миѳическія:

1. Восьмиглавый змій.
2. Заяцъ и крокодилы.
3. Таманой.

Это группа сказаній, обнимающихъ нѣкоторые моменты древнѣйшей японской миѳологіи, передающихъ нѣкоторые изъ миѳовъ, какъ они записаны въ древнѣйшихъ японскихъ литературныхъ памятникахъ.

Въ основѣ японской миѳологіи лежитъ, подобно тому, какъ и у другихъ народовъ, солнечный миѳъ. Главное божество національной религіи японцевъ, Аматерасу, съ высокаго неба сіяющая богиня солнца, сама солнце—центръ этого миѳа, который естественнымъ затѣмъ порядкомъ, переходитъ въ полевой миѳъ. Начала основной культуры, начала полевой культуры нашли себѣ здѣсь надлежащее мѣсто. Борьба съ силами природы, которая надо было преодолѣть для преуспѣянія этой культуры, къ которой надо было приспособиться, были, конечно, трудны для тогдашняго человѣка, имѣвшаго слишкомъ мало ресурсовъ для такой борьбы. Все это запечатлѣно легендой. На глазахъ у насъ происходитъ обожествленіе силъ природы какъ благихъ, содѣйствующихъ жизни человѣка, облегчающихъ ее, такъ и противныхъ, грозныхъ, препятствующихъ ей. Но это еще не все. Легенда создавалась медленно. Она, такъ сказать, наслаивалась постепенно, пока не стала настоящей легендой, и въ ней не нашли вѣрное отраженіе жизненные приципы; въ ней отпечатлѣлась душа народа; въ ней сразу же отмѣтилось направленіе этики, и это дѣло не случайное. То, что было положено здѣсь въ основу этического міросозерцанія, не было случайно пришедшимъ элементомъ; оно сказалось въ дальнѣйшемъ. Оно дѣйствовало на протяжении многихъ и многихъ вѣковъ, и не будетъ ошибкой сказать, что оно дѣйствуетъ и теперь, хотя и не въ такой, можетъ быть, рѣзкой формѣ.

Погрѣшилъ противъ великой богини буйный братъ ея Сусаноо, и спряталась богиня. Наступилъ мракъ. Но гнѣвъ и упорство богини были сломлены, и сломлены простымъ средствомъ—обманомъ. Въ утилитарныхъ цѣляхъ сами боги прибѣгли къ обману. Жестоко былъ наказанъ Сусаноо и изгнанъ на землю. Здѣсь на землѣ онъ, богъ, помогаетъ жалкимъ, безпомощнымъ людямъ. Избавляетъ ихъ отъ страшной, грозной силы, разрушающей ихъ поля, посягающей на ихъ жизнь. Онъ борется съ ней. Онъ богатырь-подвижникъ, онъ, богъ, опаиваетъ змія, усыпляетъ его, рубитъ его сонного. Побѣда на его сторонѣ. Успѣхъ обезпеченъ. Все предусмотрено. Врагъ обманутъ, врагъ усыпленъ, врагъ безсиленъ. Герой не рискуетъ ничѣмъ. Взмахъ меча, и все-

сильный богъ дѣлается героемъ-побѣдителемъ. Беззавѣтная смѣлость и безстрашіе, смѣлый вызовъ врагу, готовность пожертвовать собою за другихъ—не находятъ себѣ мѣста. Важна только цѣль; средства не учитываются. Практическій, утилитарный взглядъ на вещи доведенъ до крайности, и онъ не считается ни съ какими иными принципами.

А легенда наслояется и наслояется. Какъ звенья цѣпи, сцепляются между собою факты жизни далекихъ временъ; легенда съ неба нисходитъ на землю, приближается къ людямъ.

Оставшійся на землѣ Сусаноо владѣетъ всей тогдашней Японіей, и владѣніе его преемственно переходитъ къ его потомку Окунинуси, который и уступаетъ свои права прямому потомку Аматерасу, ниспосланному ею съ высокаго неба и одаренному тремя эмблемами: зеркаломъ, нефритовымъ шаромъ и мечемъ, признаками его божественнаго происхожденія отъ самой Аматерасу. Эмблемы эти имѣютъ свое прошлое: зеркаломъ и нефритомъ обманули боги Аматерасу, заставивъ ее пріоткрыть дверь своего каменнаго убѣжища на небѣ; мечъ найденъ въ тѣлѣ змія, опоеннаго, обманутаго и убитаго Сусаноо. Каменный шаръ, мѣдное зеркало, желѣзный мечъ! Медленно шла жизнь, медленно создавалась легенда, наслояясь и отражая въ себѣ разные періоды жизни, разныя ступени культурнаго процесса, но не преминула она, хотя и въ затемненной формѣ, отмѣтить вѣка: каменный, мѣдный и желѣзный. Для слабаго первобытнаго человѣка все было откровеніемъ высшей божественной силы, и простое каменное орудіе, появившееся впервые, было для него даромъ божества.

Окунинуси сходитъ со сцены и дѣлается божествомъ. Олицетвореніе терпѣнія, при всѣхъ испытаніяхъ, какія выпали на его долю, онъ все же не ожесточается, ему свойственно состраданіе и милосердіе, которыя и награждаются достойно. Въ легендѣ звучитъ новая нотка, выдвигается новый этическій принципъ, принципъ милосердія, но звучитъ она слабо, а уже ставшій на прочныхъ устояхъ принципъ достиженія цѣли, не гнушаясь средствами, такъ и бьетъ въ глаза. Заяцъ, котораго спасъ Окунинуси, къ которому онъ проявилъ милосердіе, начинаетъ съ обмана. Обманъ заячій, но цѣли достичь помогаетъ. И обманъ уже сознается. Ему уже дается надлежащая оцѣнка, но тѣмъ не менѣе онъ находитъ себѣ примѣненіе; онъ является однимъ изъ средствъ къ жизни.

Японіей владѣетъ потомокъ богини, и власть въ этомъ божественномъ родѣ передается по преемству, но остается въ младшей линіи, которой и подчиняется старшая—давно, конечно, забытый историческій фактъ борьбы за преобладаніе!

Фактъ, опоэтизированный легендой, въ которой перемѣшались и люди, и боги, въ которой спутались внѣшніе историче-

скіе факты съ внутренними представленіями. Поэтическія грёзы древнѣйшаго человѣка, въ которыхъ заодно дѣйствуютъ и невѣдомыя ему обожествленныя силы, и самъ человѣкъ, получеловѣкъ-полубогъ, и близкая всему этому природа, съ которой онъ жилъ въ непосредственной близости, которую, можетъ быть, любилъ, но которой еще больше боялся. Море, окружавшее страну, давало значительные ресурсы жизни. Оно было и благодѣтельной и вмѣстѣ съ тѣмъ грозной, невѣдомой силой; оно было божествомъ, источникомъ силы, могущества, власти, и полубогъ Хико Хоходеми спускается въ подводное царство, роднится съ божествомъ водъ и отъ него получаетъ новую силу, новый источникъ власти и могущества. Онъ, божественный, становится властелиномъ и повелителемъ, и ему помогаютъ всѣ невѣдомыя силы, но въ тоже время божественность распространяется и на весь народъ. Тѣ, надъ кѣмъ онъ властвуетъ не просто люди: они тоже божественнаго происхожденія; они выше другихъ человѣческихъ разновидностей, не имѣющихъ за собою такого прошлаго, не имѣющихъ предка божества. Эта божественность проходитъ красной нитью черезъ всю японскую исторію, и нынѣшній императоръ Японіи не болѣе какъ 122-й потомокъ божественнаго рода, ведущаго свое начало отъ великой богини солнечнаго свѣта. Далекое прошлое непрерывною цѣпью тянется вплоть до настоящаго времени.

И такое міросозерцаніе не прошло безслѣдно для націи. Идея самовозвеличенія, самовозвеличенія до собственнаго обожествленія, слишкомъ жива еще и понынѣ. Знакомство съ инымъ міромъ, съ иной культурой, конечно, открыли глаза на многое. Этой идее пришлось столкнуться со многими фактами, говорящими противное. Но она еще не пала, она держится еще и будетъ, вѣроятно, держаться долго. Хорошо это или худо, трудно отвѣтить въ короткихъ словахъ, но несомнѣнно въ этомъ есть аномалія, есть уклоненіе отъ нормальнаго пути здороваго культурнаго процесса, и причины этой аномаліи можно прослѣдить. Рельефъ страны, климатъ, почва... несомнѣнно выдающіеся факторы въ образованіи психологіи народа. Японія находилась въ исключительныхъ условіяхъ. Затерянная въ обширномъ океанѣ, отрѣзанная бурнымъ моремъ отъ ближайшаго материка Азіи, съ его пустынными въ то время берегами, она была предоставлена сама себѣ; должна была жить сама въ себѣ, отстранившись отъ общей культурной жизни. Мягкій климатъ страны, незначительность площади, безопасность отъ внѣшнихъ вторженій, изобиліе средствъ къ существованію пріучили довольствоваться тѣмъ, что давалось само безъ затраты силъ и энергіи. Это, конечно, былъ минимумъ въ смыслѣ удовлетворенія потребностей, но къ нему можно привыкнуть, можно, привыкнувъ, считать его за то высшее,

что доступно человѣку. Такъ и считали. Незнаніе другихъ повело къ нежеланію знать ихъ. Жизненные требованія стали подгоняться къ шаблону; отсюда пониженіе культуроспособности, довольство тѣмъ, что есть нежеланіе поисковъ новаго. Окружающая природа давала много; она была всегда около человѣка; она, съ одной стороны, можетъ быть, и вдохновляла его, но еще больше давила его. Близость къ природѣ была, но близость не осмысленная, безъ попытки на критическую мысль. Природа подавила человѣка, и самъ онъ съ его міросозерцаніемъ сталъ внѣ ея; отношеніе къ человѣку создалось индифферентное. Мысль усыплялась все болѣе. Человѣкъ довольлся себѣ, и обычныя человѣчеству представленія о силахъ природы, объ отношеніи къ нимъ самого человѣка, не находятъ себѣ мѣста. Человѣкъ разумѣется, лишь какъ конкретное я, и абстрактное представленіе о человѣческомъ существѣ не укладывается въ рамки мышленія такого конкретнаго я. Человѣкъ признаетъ человѣка только въ самомъ себѣ. Собственная фигура заслонила все.

Самодовлѣющій, съ оцѣпенѣвшей мыслью, онъ не можетъ уже сознательно, критически относиться къ окружающему. Онъ реально сознаетъ свою индивидуальность, но мысль стоитъ и, кромѣ себя, онъ не видитъ уже подобнаго себѣ; онъ употребляетъ свою досужную фантазію на то, чтобы возвеличить себя въ собственныхъ же глазахъ. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ представленія о силахъ, его пугающихъ, о силахъ, ему непонятныхъ, о силахъ, стоящихъ выше его разумѣнія, и, не будучи въ состояніи проанализировать своей застывшей мыслью отношеніе ихъ къ самому себѣ, онъ дѣлаетъ ихъ божествомъ и приближаетъ ихъ къ себѣ или себя къ нимъ; онъ стремится возвеличить себя по сколько сознаетъ себя реально, конкретно. До другихъ, подобныхъ ему, существъ, ему нѣтъ дѣла. Онъ, лѣнивый мыслью, убогій жизнью, инертный въ смыслѣ созданія техники культуры, можетъ считать только ниже себя все, что не онъ самъ лично. Конечно, современное положеніе не осталось безъ воздѣйствія на эту идею, оно повредило до извѣстной степени первоначальную чистоту ея, но все же она не утратилась совершенно и сказывается еще и теперь въ видѣ той отчужденности, той непріязненности, которую питаетъ этотъ народъ въ общей своей массѣ ко всему постороннему, ко всему, что не онъ самъ. Между нимъ и остальнымъ человѣчествомъ все еще лежитъ глубокая пропасть. Когда она закроется и закроется ли, — это вопросъ открытый.

Отъ обожествленныхъ силъ природы, отъ боговъ и полубоговъ легенда нисходитъ постепенно къ людямъ. Участіе людей дѣлается все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Миѳическій періодъ естественнымъ порядкомъ переходитъ въ легендарно-историческій и даетъ намъ новую группу сказаній именно:

II. Сказанія легендарно-историческія:

1. Момотаро.
2. Оеяма.
3. Иссумбоси.
4. Кинтаро.
5. Расіомонъ.
6. Тавара Тода.
7. Усивакамару.

Въ отличіе отъ періода миѣическаго, въ которомъ при зарожденіи культуры всю силу, всю энергію пришлось употребить на элементарную борьбу съ силами природы, на приспособленіе къ нимъ, этотъ слѣдующій періодъ носитъ на себѣ отпечатокъ развитія соціальнаго строя, объединенія разнородныхъ, вѣроятно, этнографическихъ элементовъ, борьбы ихъ между собою, подчиненія однихъ другими. Это тотъ періодъ, когда уже тѣмъ или инымъ путемъ образовалось ядро, давшее въ послѣдствіи японскую націю, когда это ядро, отдѣльное племя или конгломератъ нѣсколькихъ, вѣроятно, родственныхъ племенъ, сознало себя и вступило въ борьбу съ остальными родственными и не родственными племенами изъ за обладанія территоріей архипелага. Это племя сталкивалось съ другими, населявшими архипелагъ, воевало съ ними, знакомилось, подчиняло ихъ себѣ, роднилось съ ними, принимая въ себя новые и новые элементы, вырабатывая все больше и больше формы соціальнаго строя. Все это началось въ далекія незапамятныя времена, давно уже изгладившіяся изъ памяти. Легенда создавалась *post factum* и, какъ туманомъ, окутывъ вымысломъ дѣйствительные историческіе факты, смутно лишь удержавшіеся въ народной памяти, передала ихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ въ искаженно поэтическомъ видѣ, изукрашивъ ихъ, какъ пышнымъ узоромъ, примѣсю фантастическаго, чудеснаго, невѣроятнаго. Плодъ досужей фантазіи, онъ намекаетъ только на факты, опоэтизировывая и детализируя ихъ до полной неузнаваемости; продуктъ поэтическаго творчества, она строитъ на фактѣ новое, пышно-расцвѣченное зданіе и такое сложное, такое прихотливое въ своихъ деталяхъ, что за нимъ совершенно скрывается его фундаментъ — историческій фактъ. Ей мало факта, и она не придаетъ даже ему большой цѣнности. Поэтическая мечта, фантастическая грѣза, она стремится создать свой идеаль, идеаль, который дорогъ былъ народу, къ которому онъ стремился, которому поклонялся, и этотъ идеаль она старается конкретизировать въ реальныхъ фактахъ; она создаетъ героевъ, надѣляетъ ихъ лучшими качествами, на которыя способенъ былъ народъ, она создаетъ подвиги и очерчиваетъ ихъ детально въ той схемѣ совершенія ихъ, какая доступна была на-

родному духу и пониманію, какую онъ считалъ наилучшей, наиболѣе совершенной. И герои ея глубоко жизненны, глубоко реальны, несмотря на то, что они никогда, можетъ быть, и не существовали.

Чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе и точнѣе становится легенда, переходя изъ чистой легенды, созданія народной фантазіи, въ область фантастическаго, историческаго разсказа. На сцену выступаютъ уже дѣйствительно историческія лица, правда, не въ томъ видѣ, какъ они существовали и дѣйствовали. Но такъ и должно быть. Жизнь болѣе входила въ рамки, болѣе дифференцировалась, и стало возможнымъ отмѣчать уже отдѣльныхъ лицъ, историческихъ дѣятелей. Но народное творчество не останавливалось, идеалъ жилъ и требовалъ для себя конкретнаго образа, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ идеалъ и былъ перенесенъ цѣликомъ на тѣхъ или иныхъ историческихъ личностей, ставшихъ по какому-либо поводу извѣстными народу.

Борьба съ сосѣдями занимала центральное мѣсто въ жизни того времени. Взаимные набѣги, расхищеніе имущества, похищеніе женщинъ и, вѣроятно, людоедство были слишкомъ выдающимися фактами, чтобы народная память совершенно забыла о нихъ. Но, не забывъ о нихъ, она утратила представленіе о подробностяхъ, объ исторически реальной правдѣ, и, создавая уже впоследствии, легенда приводитъ эти факты въ искаженномъ, конечно, видѣ. Она излагаетъ ихъ намъ въ видѣ битвы съ чертями, со сверхъестественными существами, и для такой борьбы создаетъ соответствующихъ героевъ, обставляя ихъ появленіе элементами чудесности. Момотаро — герой, но онъ не совсѣмъ человѣкъ; онъ посланецъ боговъ. Иссумбоси герой, побѣждающій чертей-людоедовъ, тоже не похожъ на обыкновенныхъ людей. Но это, конечно, присуще всѣмъ народамъ. Герой древняго періода всѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ людей; въ немъ должны непременно присутствовать признаки сверхъестественности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народное творчество сейчасъ же надѣляетъ его идеальными чертами, свойственными народу, и всѣ его дѣйствія окрашиваются именно этими идеальными цвѣтами.

Момотаро — герой, и ему сопутствуетъ помощь боговъ. Онъ герой, избавляющій свою страну отъ несчастія, уничтожающій чертей, причинявшихъ ей бѣдствія. Но геройство его нѣсколько своеобразно. Онъ съ грозой идетъ на чертей, идетъ сразиться съ ними, но все оканчивается тѣмъ, что онъ приходитъ на мѣсто борьбы, когда уже черти разгромлены его сподвижниками, животными; здѣсь онъ проявляетъ удивительно хладнокровную жестокость по отношенію къ сраженному, просящему пощады врагу и увозитъ отнятыя у чертей сокровища. Въ этомъ весь его подвигъ.

Другой побѣдитель чертей, дѣйствительно историческая личность, Райко, уничтожившій по преданію какихъ-то инородцевъ,

дѣлавшихъ набѣги на страну, — одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ Японіи, опять — таки слишкомъ ярко отражаетъ на себѣ этическіе принципы народа. Онъ идетъ на бой за свою страну и заранѣе обезпечиваетъ успѣхъ. Онъ, герой, сокрушаетъ чудовище, избавляетъ страну отъ бѣдствій, но сокрушаетъ путемъ обмана. Проникнувъ въ переодѣтомъ видѣ со своими товарищами въ убѣжище чудовища, онъ при помощи боговъ опьяняетъ его, усыпляетъ и, подобно Сусаноо, рубить его пьянаго и соннаго, въ то время, какъ его товарищи, подкрѣпленные, какъ и онъ самъ божьей помощью, успѣшно справляются съ опьянѣвшими, полусонными, ничего не подозрѣвавшими врагами. Во всемъ этомъ нѣтъ лжи; здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отразилось народное пониманіе, здѣсь выпуклыми чертами запечатлѣно то, что народъ считалъ умѣстнымъ, приличнымъ, геройскимъ. И это не единственные въ своемъ родѣ примѣры. Стоитъ только обратиться къ исторіи.

Въ недавнее время Европа зачитывалась, да и теперь зачитывается небольшой книжечкой, написанной въ Японіи для иностранцевъ. Это «Бусидо», что дословно значитъ путь (нравственный) самурая, японскаго воина-подвижника [типъ уже не существующій]. Эта книжечка произвела сенсацію; въ ней нашли откровеніе, и японскій самурай отождествленъ съ европейскимъ рыцаремъ. Тѣ, кто наилучше могъ бы рѣшить этотъ вопросъ, сами рыцари, отошли уже въ область преданій но, думается, что ни одинъ рыцарь не захотѣлъ бы стать самураемъ, и ни одинъ самурай не смогъ бы стать рыцаремъ. Слишкомъ глубока пропасть, слишкомъ различны понятія о чести, благородствѣ, геройствѣ.

III. Сказанія, проводящіе этическій или религіозный принципъ:

1. Местъ краба.
2. Каци-Кацияма.
3. Зеркало Мацуяма.
4. Хибаріяма.
5. Дѣдъ Ханасака.
6. Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ.
7. Свадьба крысы.
8. Адацигахара.
9. Кошки и крысы.
10. Обезьяна и медуза.
11. Моногуса Таро.

Эта группа сказаній не имѣетъ никакого отношенія ни къ мифологіи, ни къ исторіи. Сказанія эти касаются исключительно внутренней духовной жизни человѣка, и въ нихъ ясно отражено